

Михаил Афанасьевич Булгаков познакомился с Викентием Викентьевичем Вересаевым задолго до того дня, когда он пришел к известному пушкинисту с предложением вместе работать над пьесой о Пушкине. Добрые отношения сложились у них еще с тех пор, как в сборниках, издаваемых кооперативным издательством «Недра», во главе которого стояли Н. С. Ангарский-Клестов и В. В. Вересаев, стали печататься произведения Михаила Булгакова. И симпатии их взаимные, быть может, подкреплялись еще и тем, что они оба были врачами. Ведь бывший земский врач Булгаков, повав в Москву, прежде всего хотел пожать руку автору «Записок врача» — книги, взволновавшей его еще в те дни, когда он и не мечтал о литературной деятельности.

Они познакомились в начале 20-х годов, и дружеское расположение друг к другу, более того — близость остались у них на всю жизнь. Этому не помешала даже история, о которой свидетельствует предлагаемая вниманию читателей «Литературной России» переписка писателей-соавторов.

Опубликованная частично в 1965 году в журнале «Вопросы литературы», переписка эта вызвала появление ряда статей, в которых точка зрения В. В. Вересаева либо вообще не приводится, либо делаются спорные, если не сказать ошибочные выводы¹.

В 1986 году в архивах обнаружены еще двенадцать писем и документов, использование которых в нынешней публикации позволяет более полно и точно выявить основную линию водораздела между двумя выдающимися русскими писателями в последние последние дни жизни и смерти гения России. Письма эти имеют не только большой историко-литературный интерес. Они — яркий пример духовной культуры и этической высоты безупречно принципиальных отношений творческих оппонентов. Переписка их свидетельствует, что ни Вересаев, ни Булгаков не изменили ни своему человеческому, ни писательскому кредо.

К тому, о чем повествует переписка соавторов, можно добавить, что после того, как пьеса М. Булгакова «Последние дни» была поставлена на сцене, Управление по охране авторских прав согласно завещанию драматурга выслало половину авторского гонорара Вересаеву до последних дней его жизни, а после смерти — его жене.

...За пять лет (1943—1948) спектакль прошел на сцене МХАТ имени А. М. Горького свыше 150 раз и сохранялся в репертуаре до 1959 года.

¹ «Театр», № 9, 1986.

² В. Повпков. «М. А. Булгаков — драматург». В книге Михаила Булгакова «Пьесы». «Советский писатель», М. 1986.

ХРАНИТСЯ В АРХИВЕ

ИЗ БЛИЗКОГО ПРОШЛОГО

Ленинград, Астория, 430
11.7.34.

«Дорогой Викентий Викентьевич!

Вот уж около месяца я в Ленинграде, где, между прочим, лечусь электричеством и водой от нервного расстройства... Во время своего недуга я особенно часто вспоминаю Вас... А теперь вспоминаю вдвойне, потому что купил книжку Н. Телешова «Литературные воспоминания». Он рассказывает о клочках, которые давались в литературных кругах. Прозвища записывались исключительно в названиях московских улиц и площадей. «Куприн, за пристрастие к цирку — Конная площадь», «Бунин, за художбу и остроумие — Живоделка» и так далее. А «Вересаев, за нерушимость взглядов — Каменный мост». И мне это понравилось...

Мог ли подумать тогда Михаил Афанасьевич, что через год он сам вплотную столкнется с «нерушимостью взглядов» Викентия Викентьевича... В октябре 1935 года в «Литературной газете» появилась редакционная статья «Пьеса о Пушкине».

«Столетие со дня смерти Пушкина, — говорилось в статье, — будет отмечено в будущем сезоне почти всеми крупными московскими театрами. Некоторые из них ставят маленькие трагедии Пушкина, другие инсценируют отдельные его произведения.

При обсуждении юбилейного пушкинского спектакля в театре им. Вахтангова возникла мысль о пьесе, в которой Пушкин был бы не автором, а героем. Мысль эта встретила всеобщее одобрение, но реализовать ее представлялось очень трудным, ввиду опасности возможной подмены образа поэта актером, загримированным Пушкиным.

Оказалось, что М. А. Булгаков вместе с В. В. Вересаевым уже работают над пьесой о Пушкине. Результатом такого неожиданного совпадения явилось подписание между авторами и театром договора на право первой постановки пьесы «Пушкин». Окончательный литературный текст пьесы уже представлен театру, и скоро начнутся репетиции спектакля, который пойдет в постановке заслуженного артиста республики Б. Е. Захава.

Драматурги блестяще справились со стоящими перед ними задачами. — сказал в беседе с нашим сотрудником Б. Е. Захава. — Пушкин действительно герой пьесы. Читатель (надеюсь, в дальнейшем можно будет сказать и о зрителе) все время ощущает присутствие Пушкина в спектакле, хотя на протяжении всех четырех актов он ни разу не появляется на сцене. Пьеса настолько насыщена атмосферой, окружающей жизнь и смерть поэта, что зритель забывает о физическом отсутствии героя в спектакле.

На самом деле до «окончательного» текста пьесы было еще очень далеко. Более чем за месяц до этой публикации газеты Б. Е. Захава послал следующее письмо В. В. Вересаеву:

«Глубоко уважаемый Викентий Викентьевич!
Возвратившись из отпуска, я навел на М. Булгакова и нашел его в состоянии большого расстройства. Он очень сгорчен теми разногласиями, которые возникли между ним и Вами... Из его рассказа я вынес впечатление, что эти разногласия не такого свойства, чтобы повести к разрыву между сотрудниками, которые, насколько мне известно, до последнего времени... работали в атмосфере полного взаимного понимания. Я думаю, нет надобности говорить о том, почему разрыв творческого союза между Вами и Мих. Аф. был бы для нашего театра чрезвычайно огорчительным.

Исходя из всего этого, я сделал Мих. Аф-чу такое предложение. Я составил маленькую комиссию из числа наиболее авторитетных членов нашего коллектива, и мы соберемся вместе с Вами и Мих. Аф-чем, чтобы в совместной дружеской беседе обсудить возникшие недоразумения.

Крепко жму Вашу руку и жду Вашего ответа на адрес театра.

Глубоко уважающий Вас. Б. Захава.

31/VIII-1935.

Москва, 29.VIII.35.

«Дорогой Викентий Викентьевич!

Я говорил с Борисом Евгеньевичем Захава о наших текстовых разногласиях.

Он предлагает собраться некоторым из вахтанговцев и нам, чтобы обсудить вопрос об этих разногласиях. По этому поводу он Вам напишет письмо.

Ваш М. Булгаков.

Но иначе смотрел на истоки и результат творческого «конфликта» между авторами В. В. Вересаев. Он ответил М. А. Булгакову:

«Дорогой Михаил Афанасьевич!

Я считаю нашу встречу с вахтанговцами совершенно бесполезной: разногласия наши слишком существенны, чтобы их можно было как-нибудь согласовать. В этом смысле я и отвечаю Б. Е. Захава.

Варианты мои были представлены Вам в черновом виде, о чем Вы можете судить по моим заметкам на полях. Их нужно бы еще переработывать, но мне сейчас неприятно и думать о пьесе. Так что варианты своих не представляю. Что еще нужно для Вашего успокоения? Отказ мой от «борьбы»? Но не понимали же Вы ее в том смысле, что я, например, собираюсь поднять в печати кампанию против Вашей пьесы или сделать в репертуаре донесение о ее неблагонадежности. Желательно Вам, чтобы я на репетициях молчал? Или чтобы пьесу я впервые увидел на премьере? Сообщите, что нужно, чтобы прекратились Ваши огорчения...

Преданный Вам В. Вересаев.

Что же произошло? И почему «Вашу», а не «нашу» пьесу? Для этого надо вернуться к истории написания пьесы и услышать диалог между писателями, отразившийся в их переписке 1935 года и имевший такие печальные последствия. Вахтанговский театр так и не поставил пьесу, увидела она свет рампы только в 1943 году во МХАТе, но уже в редакции и под фамилией одного М. А. Булгакова.

В 1934 году В. В. Вересаев был полон мыслью о Пушкине. Он был уже известным автором книги «Пушкин в жизни». Близились к завершению работы над книгой «Спутники Пушкина». Приближалось столетие со дня гибели поэта. Вересаев был членом юбилейной Пушкинской комиссии, работал над «Биографией Пушкина», за которую впоследствии он получил на конкурсе первую премию. И вот в октябре 1934 года у него на квартире состоялась встреча с М. А. Булгаковым. Возникла идея написать совместно пьесу о Пушкине без Пушкина. Во время встречи Викентий Викентьевич заговорил, много говорил о Пушкине, о трагизме его гибели, о социальной среде, в которой это стало неизбежным. Было решено: писать пьесу вместе, но В. В. Вересаев берет на себя ответственность за историческую основу пьесы, а М. А. Булгаков — за ее драматургическую сторону. В договоре же с вахтанговским театром оба писателя выступали как один автор, и гонорар между ними распределялся пополам. В напряженной работе прошли полгода. Авторы обменивались вариантами сцен, спорили об общей концепции пьесы. Театр их торопил, ведь пьесу нужно было представить к 1 декабря 1935 года, а постановку необходимо было осуществить к 8 февраля 1937 года.

Но все яснее и яснее между авторами стали вырисовываться разногласия, которые в конце концов стали непреодолимыми.

Но пусть об этом расскажут сами писатели.

19.05.1935

«Милый Михаил Афанасьевич! Я ушел от Вас вчера в очень подавленном настроении. Вы, конечно, читали черновик, который еще будет отделяться. Но меня поразило, что Вы не сочли нужным изменить даже то, о чем мы с Вами договорились совершенно определенно... Скажем, это черновик, — Вы не имели времени сделать изменения, читалось это несколькими членами театра для предварительной ориентировки¹. Но вы согласились также на прочтение пьесы и всей труппе, — это дело уже более серьезное, и я вправе был ждать некоторой предварительной согласованности со мною... Боюсь, что теперь только начнутся для нас подлинные тернии «соавторства». Я до сих пор минимально вмешивался в Вашу работу... Однако это вовсе не значит, что я готов довольствоваться ролью смиренного поставщика материала, не смеющего иметь суждение о качестве использования этого материала... Образ Дантеса нахожу в корне неверным и как пушкинист никак не могу принять на себя ответственность за него. Крепкий, жизнерадостный, самовлюбленный наглец, великолепно чувствующий себя в Петербурге, у Вас нычет, страдает припадками слепца; действовавший на Наталью Николаевну именно своею животной силой дерзкого самца, он никак не мог пытаться возбудить в ней жалость сентиментальным предсказанием, что «он меня убьет». Если уж необходима угроза Дантеса подойти к двери кабинета Пушкина, то я бы уж считал более приемлемым, чтобы это сопровождалось сло-

¹ 18 мая 1935 г. М. А. Булгаков в присутствии В. В. Вересаева читал у себя дома пьесу «Пушкин» В. В. Захава и нескольким актерам вахтанговского театра.

вами: «Я его убью, чтобы освободить вас!». И много имею еще очень существенных возражений. Хочется надеяться, — Вы будете помнить, что пьеса как-никак будет именоваться пьесой Булгакова и Вересаева и что к благополучному концу мы сможем прийти, лишь взаимно считаясь друг с другом.

Преданный Вам В. Вересаев.

20.05.1935

«Милый Викентий Викентьевич! Могу Вас уверить, что мое изумление равносильно Вашей подавленности. Чтение вахтанговской труппы... дело серьезное. Примерно наметенное на начало июня чтение ни в коем случае не состоится, если не будет готов согласованный экземпляр... Вы пишете, что не хотите довольствоваться ролью смиренного поставщика материала... Напротив, Вы с большой силой и напряжением и всегда категорически настаиваете на том, чтобы в драматической ткани всюду и везде, даже до мелочей, был виден Ваш взгляд. Однако бывают случаи, когда Ваш взгляд направлен неверно, и тут уж я хочу сказать, что я не хотел бы быть смиренным (я повторяю Ваше слово) драматургическим обработчиком... Я возражал лишь в тех случаях, когда Вы были драматургически неубедительны. ...Я готов признать, что у меня нет вкуса, но вряд ли кто-нибудь признает, что у меня нет опыта... Мне всегда казалось, что я считаюсь с Вами гораздо больше, чем Вы со мной... Перо не поднимается после Вашего письма, но... я все-таки питаю надежду, что мы договоримся. От души желаю, чтобы эти письма капили в Лету, а осталась бы пьеса, которую мы с Вами создавали с такой страстностью. Преданный Вам М. Булгаков.

Примечание: ...Вся беда, что пушкинисты (и я это берусь доказывать) никакого образа Дантеса в своем распоряжении не имеют и ничего о нем не знают. Самим надо выдумать Дантеса...

Такова была точка зрения Михаила Афанасьевича. Не нужно доказывать, что Викентий Викентьевич мог стоять только на противоположной точке зрения. Иначе он изменил бы самому себе, отрекся бы, говоря о нем слепыми М. Горького, «от излюбленной правды». Положение сложилось очень серьезное, и Викентий Викентьевич принял решение.

6.06.1935 г.

«Дорогой Михаил Афанасьевич! Не пугайтесь, — письмо самое миролюбивое. Я все больше убеждаюсь, что в художественном произведении не может быть двух равновластных хозяев... Хозяин должен быть один, и таким хозяином в нашем случае можете быть только Вы... Сейчас положение такое. Вы в душе думаете: «Самое лучшее было бы, если бы Вересаев перестал мешаться в дело и предоставил мне в дальнейшем полную свободу; пусть пытается «социализировать» пьесу, но чтобы я мог самодержавно отвергать его попытки, не тратясь на долгие препирательства». А я думаю: «Самое лучшее было бы, если бы Булгаков перестал мешаться в дело и предоставил мне свободу в полной переработке рукописи, как будто это был бы мой собственный черновик, — свободу в подведении общественного базиса, в исправлении исторически неверных образов Дантеса, отчасти Александрины и т. д.»... Но выйти из дилеммы не так-то просто! Вы назвали «угрозой» мое предложение снять с афиши мое имя. Это не угроза, а желание предоставить Вам законную свободу в совершенно полном выявлении себя. Повторяю, автором пьесы я себя не считаю, мне было очень неприятно, когда Вы заставили меня раскланиваться вместе с Вами на рукоплескание вахтанговцев², предложение мое о нашем взаимном праве печатать пьесу в собрании своих сочинений считаю в корне неправильным, — конечно, она может быть помещена в собрании Ваших сочинений. Подумайте, Михаил Афанасьевич: ведь Вы получаете возможность и право полностью восстановить места, выкинутые под моим давлением или находящиеся под угрозой... А что можно возразить против снятия с афиши моего имени?.. Я считаю Вашу пьесу произведением замечательным, и Вы должны выжить в ней целиком, — именно Вы, как Булгаков, без всяких самоограничений. Вместе с этим я считаю пьесу страшной рядом органических дефектов, которых не исправить отдельными вставками, как не заставить тенора петь басом, как бы глубоко он ни засовывал подбородок в галстук.

Все это вовсе не значит, что я отказываюсь от дальнейшей посильной помощи, поскольку она будет

² 2 июня 1935 г. М. А. Булгаков читал в Театре имени Е. Б. Вахтангова пьесу «Пушкин».